

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

ЛАБОРАТОРИЯ ДЕТСКОЙ РЕЧИ

ИНСТИТУТ ДЕТСТВА

КАФЕДРА ЯЗЫКОВОГО И ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕБЕНКА

МЕЖВУЗОВСКИЙ ЦЕНТР БИЛИНГВАЛЬНОГО И ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

СОВРЕМЕННАЯ ОНТОЛИНГВИСТИКА: ПРОБЛЕМЫ, МЕТОДЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

24 – 26 июня 2019

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Формирование морфологического компонента языковой системы в ситуации многоязычия. Грамматическая интерференция в детской речи

Алла Витальевна Пеетерс-Подгаевская

*Амстердам, Нидерланды
A.V.Peeters-Podgaevskaja@uva.nl*

Екатерина Дорофеева

*Амстердам, Нидерланды
ekaterina@dorofeeva.net*

РАННИЕ ЭТАПЫ УСВОЕНИЯ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА У ТРЕХЪЯЗЫЧНОГО РЕБЕНКА

Среди огромного количества разнообразных работ по симультанному двуязычию крайне мало исследований посвящено активному усвоению трех и более языков с рождения, а работы, в которых дается также анализ становления русского языка, практически отсутствуют (исключение составляют Мадден 2011; Хачатурян 2016, 2018). В настоящее время тот факт, что у многоязычных детей их языки с самого начала представляют собой самостоятельные системы, уже ни у кого не вызывает сомнений (см. подробнее об этом в De Houwer 1990; Meisel 1994; Genesee, Nicoladis, Paradis 1995). Однако способность дифференцировать языки вовсе не означает их совершенно независимого сосуществования в голове ребенка. По мнению исследователей, степень проявления языкового взаимодействия у многоязычной личности зависит от трех факторов. Прежде всего, это структурные особенности самих языков: проблемы возникают в тех звеньях системы, которые представляют трудности и для монолингва, но в ситуации многоязычия они могут привести к переструктурированию всей системы (Müller, Hulk 2001). Асимметрия языкового развития и языковое доминирование также влияют на темпы усвоения языков и степень их взаимодействия. Однако многие явления ранней детской речи невозможно исчерпывающе объяснить выше перечисленными факторами. Нередко бывает трудно определить, где некоторые формы и конструкции являются продуктом языковой интерференции (явной или скрытой), а где это объясняется универсальными фазами языкового развития, спецификой детского языка или тенденцией усвоения в первую очередь немаркированных структур (см. об этом в Ortega 2009: 37-38).

В данной статье представлен анализ ранних этапов становления глагольных систем ребенка, говорящего одновременно на трех типологически различных языках: русском, итальянском и голландском. Целью работы является, однако, не только фиксация конкретных форм и явлений, но и анализ того, насколько данные языки развиваются в параллельном режиме и в чем их формирование проходит автономно.

Параллельное усвоение категории глагола трехязычным ребенком: case study.

Исследуемый. Лена родилась в апреле 2016 года в Нидерландах. Мать – русская, отец – итальянец. При общении с Леной родители используют стратегию *One parent – one language*. Мама обращается к ней на русском языке, папа – исключительно на итальянском. Между собой родители говорят по-итальянски. С 1,2 Лена посещает голландские ясли. В общей сложности на момент сбора материала Лена находилась в голландской языковой среде около 26 часов в неделю, а в исключительно русской около 15 часов. Общение на

итальянском не превышало 3-4 часов в неделю. В остальное время девочка получала смешанный русско-итальянский инпут. В присутствии обоих родителей 80% высказываний Лены – на русском языке. Таким образом, можно утверждать, что девочка является симультанным трилингвом с доминантным русским.

Сбор и расшифровка материала. Речь Лены фиксировалось посредством аудио- и дневниковых записей. Для данной статьи анализируется возрастной период с 1,6 до 2,1. Всего было проанализировано 9 часов записей на русском языке, 7 часов на итальянском и 5 часов на голландском. Расшифровка материала производилась матерью, владеющей всеми тремя языками.

Анализ конкретного материала

Первые глагольные формы. Как и в монолингвальном онтогенезе, в речи девочки первыми появляются формы инфинитива и императива (Belletti 2015; Пупынин 1996). Разница между языками заключается в порядке появления форм и в возрастной привязке. В итальянском формы повелительного наклонения зафиксированы уже в 1,6 года: *viene!* (иди сюда!), *lascia!* (отпусти!).¹ В русском и голландском к первым глагольным формам относятся инфинитивы, которые используются во всех ситуациях общения, в том числе и в побудительных контекстах: *Мама сказку почитать!* (Мама, почитай сказку!) (1,9), *Мама, писать на горшок!* (Мама, я хочу пописать на горшок!) (2,1); *Ik duwen!* (Я буду толкать), *Dokter spelen* (Давай будем играть в доктора) (1,11). Конкретные формы повелительного наклонения в русском языке встречаются с 1,10 (*ляг, сядь, дай, иди*), но только после двух лет начинают активно употребляться в речи ребенка. В голландском в анализируемый период императивы отсутствуют, что соответствует речи монолингва в данном возрасте (Schaerlaekens, Gillis 1987).

Категория глагольного времени. В русском и итальянском языках с 1,9 Лена начинает активно использовать форму 3-го л. ед. ч. настоящего времени: *Лена хочет гулять*, *Lena non sta male* (букв. Лена не чувствует себя плохо). В голландском языке ситуация несколько иная. Поскольку для модальных, наиболее частотных в ранней детской речи, глаголов формы 1-го/3-го л. ед. ч. омонимичны, представляется сложным сказать, какая форма усваивается первой. Сравните: **Ik/baby wil visje* (Я/ребенок хочу/хочет рыбку), *Baby/ik moet slapen* (Ребенок/я должен/должна спать) (1,11).

Далее, однако, языки расходятся. В итальянском отмечена форма 2-го л. ед. ч.: *Papà, non fai questo!* (Папа, не делаешь этого!), а с 1,11 появляется 1-е л. мн. ч.: *Copriamò papà* (Папу накроем (одеялом)), *Andiamo sul scivolo* (Пойдем на горку). В русском языке с 2,1 активно используется форма 1-го л. ед. ч.: *Дай посмотрю, где листик. Я не знаю, где листик.* В голландском в этом же возрасте идет усвоение неомонимичных форм 1-го и 3-го л. ед. ч. для таких глаголов, как *zijn* (быть), *hebben* (иметь) и *gaan* (идти): *Waar is papà?* (букв. Где есть папа?), **Ik ook heb auto* (букв. Я тоже имею машинку), *Ik ga eten* (Я иду кушать). Другие личные формы глагола в языках девочки в анализируемый период не встречаются, что в принципе соответствует детской монолингвальной норме² (Гвоздев 2007; Clark 1985; Schaerlaekens, Gillis 1987), а также данным по трехязычию (Хачатурян 2018: 138).

Прошедшее время активно употребляется в русском языке уже в возрасте 1,8, а в итальянском с запозданием в месяц. При этом в обоих языках на первых порах преобладают формы ж. р.: *птица ушла* (1,8), *улетела самолет* (1,10), *Lena è caduta* (Лена упала) (1,10),

¹ Поскольку в центре нашего анализа не фонология, а морфология, считаем точную передачу произнесенных ребенком слов и фраз во всех трех языках не обязательной. Для упрощения восприятия и прочтения примеры максимально приближены к эталонной норме фонетического оформления.

² В данной статье мы используем термин «норма» для краткости формулировок, хотя отдаем себе отчет, что говорить о норме в раннем онтогенезе не совсем корректно. Под «нормой» здесь понимается некая более или менее общая траектория языкового развития, присущая детям в определенном возрасте.

l'orsetto è tornata (букв. медведь вернулась) (2,1). К концу анализируемого периода согласование по роду начинает все больше соответствовать норме. В голландском языке завершённое настоящее (сопоставимое с *Present Perfect* в английском языке), выражаемое причастиями прошедшего времени, появляется лишь после 2,1 года.

Формы будущего времени отмечены только в русском языке: вспомогательный глагол *быть*, как формальный маркер будущего времени, употребляется вне зависимости от вида и даже конкретной формы глагола: *Мама не будет почитать книжку* (1,9), *Папа будет пошёл на работу* (1,11), *Лена будет взять книжку* (2,1). В итальянском языке в значении футурума в этот период употребляются формы настоящего времени, а в голландском к двум годам начинает использоваться глагол *gaan* (идти), который может обозначать намерение выполнения действия в будущем: *Ik ga eten* (Я пойду/буду/собираюсь кушать) (2,1).

До возраста 1,10 в итальянском и голландском языках Лены глаголы-связки и вспомогательные глаголы для образования прошедших времен опускаются, но с двух лет они используются уже более регулярно. Сравните: *Nee, dit voor baby*, вместо *Nee, dit is voor een baby* (гол. Нет, это для ребенка) (1,10), *Lena freddo*, вместо *Lena ha freddo* (ит. Лене холодно) (1,11) и *Dit is mijn lepel* (гол. Это моя ложка) (2,1), *Lena ha paura* (ит. Лене страшно) (2,0). Отметим, что вспомогательные глаголы в итальянском и голландском языках усваиваются после трех лет (Caselli et al. 2016: 46; Schaerlaekens, Gillis 1987: 96, 141), так что их регулярное опущение в речи Лены вовсе не указывает на языковое отставание девочки. А в сравнении с другими голландско-русскими билингвами, например, Лена развивается даже с опережением (см. Oestina 2015: 43).

Отрицание при глаголе. Как известно, в русском и итальянском языках отрицательная частица *не/non* предшествует личной форме глагола, в голландском *niet* находится в пост-позиции. Но в анализируемый период во всех трех языках девочки положение отрицательной частицы еще не устоялось. При этом Лена в функции частицы совершенно свободно использует также и отрицательные междометия. Например: *Нет, не гулять* Лена хочет вместо *Лена не хочет гулять*, *Мама пойдет на работу нет* вместо *Мама не пойдет на работу* (2,0), *Cade no per terra* (букв. ит., Упало нет на пол) вместо *Non fare cadere il cuscino per terra* (Не урони подушку на пол) (2,0), *Ik wil niet boek* (букв. гол., Я хочу не книжку), вместо *Ik wil geen boekje* (Я не хочу книжку) (1,11). Говорить о какой-то закономерности в постановке отрицательной частицы по отношению к глаголу в этом возрасте пока еще не приходится.

Возвратные глаголы. Возвратные глаголы (собственно-рефлексивные и объектно-рефлексивные) в русском языке отмечены уже с 1,9: *папа помылся, дверь не открывается, нравится паста*. В итальянском Лена активно использует возвратные глаголы для образования безличных предложений с 1,10: *Papà non si tene* (букв. Папа не бьется, т.е. Папу нельзя бить), *Non si tocca Eddie* (букв. Эдди не трогается, т.е. Нельзя трогать Эдди). Однако в анализируемый период возвратный постфикс нередко опускается, что вообще характерно для ранней детской речи: *Лена уже проснула, Бэби Юля останется дома* (2,1); *Papà, siedi qui* вместо *siediti qui* (Папа, сядь сюда) (1,10).

Становление категории вида. Первые попытки осмысления видовых отношений в русском языке встречаются у Лены уже в возрасте 1,8, когда девочка начинает противопоставлять актуально-длительное значение НСВ перфектному СВ: **Папа мыться?* (Папа моется?) и *Папа помылся*. Однако для раннего этапа языкового развития характерна путаница форм и предпочтительное употребление СВ в будущем времени, а также с модальными словами: *Мама не будет упасть* (1,11), *Нельзя возмечь соску* (2,1), *Не надо помыть Лену!* (2,1). Идея результативности уже осознается ребенком, но ограничения и запреты на использование определенных форм еще, конечно, не усвоены, ведь и в монологической норме в этом возрасте видовые противопоставления только-только начинают формироваться (Пупынин 1996).

Таким образом, как показывает наш материал, становление категории глагола во всех трех языках девочки проходит в соответствии с универсальными стадиями онтогенеза и внутренней логикой развития каждого из языков. Параллельность процессов выражается в одинаковой для всех языков последовательности появления конкретных глагольных форм (императивы, инфинитивы, формы 3-го л. ед. ч., прошедшее время), в путанице с расположением отрицательной частицы, в пропусках глаголов-связок, вспомогательных глаголов и возвратной частицы. Параллельное развитие глагольных систем в трех языках Лены не означает, однако, что они не разделены. Во-первых, в каждом из языков формы появляются в характерной для этого языка последовательности. В итальянском, например, первыми усваиваются императивы, а в голландском – инфинитивы. Во-вторых, кроме общей формы 3-го л. ед. ч., другие личные формы глагола появляются в языках девочки с временным отрывом друг от друга и в иной последовательности. Так, в русском и голландском языках к концу анализируемого периода активно употребляется форма 1-го л. ед. ч., а форма 1-го л. мн. ч. не встречается, а в итальянском языке – наоборот. В-третьих, Лена использует именно те формы и структуры, которые присущи данному языку. В итальянском и голландском, например, она употребляет глагол-связку *essere/zijn* (быть), а в русском нет, хотя слово *есть* встречается у нее в possessивных конструкциях. Возвратные глаголы в русском языке девочка использует в собственно- и объектно-рефлексивном значении, а в итальянском – прежде всего в безличных предложениях. Будущее время в русском языке ребенка последовательно выражается с помощью вспомогательного *быть*, а в голландском посредством глагола *gaan*. Таким образом, можно утверждать, что многоязычный ребенок усваивает универсальные и лингвоспецифические структуры в параллельном режиме.

Литература

- Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. М.; СПб, 2007.
- Мадден Е. Наши трехязычные дети. СПб., 2011.
- Пупынин Ю. А. Усвоение системы русских глагольных форм ребенком // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 84–94.
- Хачатурян Е. В. Индивидуальный подход к усвоению языка (анализ речи двух трехязычных сестер) // Лики билингвизма. СПб., 2016. С. 82–92.
- Хачатурян Е. В. Роль индивидуальных особенностей ребенка в ситуации раннего детского трехязычия // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2018. № 189. С. 133–141.
- Belletti A., Teresa M. The acquisition of Italian: morphosyntax and its interfaces in different modes of acquisition. Amsterdam; Philadelphia, 2015.
- Caselli M.C., Bello A., Rinaldi P., Stefanini S., Pasqualetti P. Il Primo Vocabolario del Bambino: Gesti, Parole e Frasi. Valori di riferimento fra 8 e 36 mesi delle Forme complete e delle Forme brevi del questionario MacArthur- Bates CDI. Milano, 2016.
- Clark E.V. The Acquisition of Romance, with Special Reference to French // The Crosslinguistic Study of Language Acquisition. Vol. 1: The Data, Slobin D.I. (ed.). Hillsdale, NJ; London, 1985. P. 687–782.
- De Houwer A. Bilingual first language acquisition. Bristol, 2009.
- Genesee F., Nicoladis E., Paradis I. Language differentiation in early bilingual development // Journal of Child Language. 1995. № 22. P. 611–631.
- Kupish T. Determiners in bilingual German-Italian children: What they tell us about the relation between language influence and language dominance // Bilingualism: Language and Cognition. 2007. № 10(1). P. 57–78.
- Meisel I. Bilingual First Language Acquisition: French and German grammatical development. Amsterdam; Philadelphia, 1994.

- Müller N., Hulk A. Crosslinguistic influence in bilingual language acquisition: Italian and French as recipient languages // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2001. № 4(1). P. 1–21.
- Oestinova K. A. Ontwikkeling van de Russisch-Nederlandse vroeg-linguale tweetaligheid: een case studie. BA scriptie. Universiteit van Amsterdam, 2015.
- Ortega L. *Understanding Second Language Acquisition*. London, 2009.
- Schaerlaekens A.M., Gillis S. *De taalverwerving van het kind*. Groningen: Wolters-Noordhoff, 1987.
- Unsworth S., Hulk A. L1 acquisition of neuter gender in Dutch: production and judgement // *Language acquisition and development: Proceedings of GALA 2009*. Newcastle, 2010. P. 483–492.

Ольга Георгиевна Качан
 Минск, Беларусь
 belrus_fno@tut.by

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ ОСВОЕНИЯ МЛАДШИМИ ШКОЛЬНИКАМИ КАТЕГОРИИ РОДА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В УСЛОВИЯХ БЛИЗКОРОДСТВЕННОГО БИЛИНГВИЗМА

Коммуникативный (коммуникативно-речевой) подход к изучению языка требует, чтобы школьники как можно раньше знакомились с законами построения высказывания, правильно употребляли языковые средства в коммуникативных целях. Слова с их номинативной функцией сами по себе не способны обеспечить общения. Коммуникативную функцию может адекватно выполнять только высказывание, построенное, оформленное по законам языка.

Генеалогическое родство русского и белорусского языков определяет общий фонд лексем и обуславливает их принадлежность к одному морфологическому типу – синтетическому. Как языки восточнославянской ветви русский и белорусский языки обладают унаследованным из общеславянского источника лексическим составом существительных: названий предметов, явлений природы, растительного и животного мира, продуктов питания, предметов хозяйственного обихода. В период самостоятельного развития оба языка в значительной мере дополнили лексический состав, ср.: *красота – прыгажосць, аист – бусел, кровать – ложак, отличник – выдатнік, позор – ганьба, сторонник – прыхільнік, гроза – навальніца, ружьё – стрэльба, белка – вавёрка* и др. Однако лексика русского языка близка и доступна белорусским школьникам, так как множество лексем образовано от общего корня: *молодёжь – моладзь, квартира – кватэра, богатство – багацце, избрание – абранне, родина – радзіма*.

Общим для обоих языков являются и многие черты грамматического строя: одни и те же принципы классификации частей речи, способы формо- и словообразования. Если во французском языке противопоставляются существительные только мужского и женского рода, в английском, турецком и многих других языках существительные вообще не имеют грамматического значения рода, то в русском и белорусском языках существительные распадаются на классы мужского, женского и среднего рода. Категория рода является в русском и белорусском языках словоклассифицирующим показателем существительного. Грамматическое значение находит легко выделяемое внешнее выражение – окончание, которое играет в языковом сознании носителей флективных языков существенную роль.